

Таким образом, Е. Н. Опочинин в рождественских рассказах использует мотив спасения, который связан с ситуацией духовного прозрения героя, а в пасхальных рассказах через ситуацию испытания герой двигается к согласию с окружающими, к соборности. Календарная проза ярославского писателя учит добру, взаимопрощению и светлой любви друг к другу.

Литература

Есаулов И. А. Пасхальный архетип в поэтике Достоевского / И. А. Есаулов // Евангельский текст в русской литературе ХУШ-ХХ веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Сб. науч. трудов. Вып. 2. Петрозаводск, 1998. С. 349–362.

Есаулов И. А. Пасхальный архетип русской литературы как фактор жанропорождения / И. А. Есаулов // Дергачевские чтения - 2008. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Проблема жанровых номинаций : материалы IX Междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 2009. – Т. 1. – С. 164–173.

Захаров В. Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы / В. Н. Захаров // Проблемы исторической поэтики. – Петрозаводск, 1994. – С. 249–261.

Макеева С. Г., Михеенко О. С. Календарные рассказы духовно-нравственной тематики как литературное явление / С. Г. Макеева, О. С. Михеенко // Ярославский педагогический вестник. – Ярославль, 2013. – № 4 – Том I (Гуманитарные науки). – С. 243–246.

Опочинин Е. Н. Из рассказов охотника: [репринтное издание] / Е. Н. Опочинин. – М. : Типография литературного русского товарищества печатного и издательского дела, 1907. 376 с.

Опочинин Е. Н. Лес и поле. Охота: Рассказы / Е. Н. Опочинин. – М. : Издание И. К. Кнебель, 1910. 128 с.

Опочинин Е. Н. Старое и новое: Рассказы / Е. Н. Опочинин. – М. : Издание И. К. Кнебель, 1912. 179 с.

Федорова Е. А. Этнокультурные и социокультурные проблемы современной коммуникации: учебно-методическое пособие / Е. А. Федорова; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль : ЯрГУ, 2016. 60 с.

Grashchenkova D. T. Eternal and Temporary in the Calendar Prose by E. N. Opochinin

In calendar prose E. N. Opochinin shows that Christmas and Easter become a time of human trials when the duality of their nature is manifested. In Christmas stories the motive of salvation sounds which is associated with the situation of the spiritual insight of the hero. In Easter stories the hero moves towards agreement with others, towards collegiality through the situation of trial. The immersion of the hero in sacred time is the culmination of the stories.

Keywords: E. N. Opochinin, Christmas stories, Easter stories, the motive of salvation, situations of trial, insight, consent.

Е. О. Осюшкина

(научн. руководитель И. Е. Васильев)

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия*

Вадим Шершеневич глазами современников и сегодняшнее видение творчества поэта

Аннотация: в статье представлен сравнительный анализ различных подходов исследователей к творчеству Вадима Шершеневича. Многие современники не воспринимали В. Шершеневича как «серьезного» поэта вследствие обвинений в подражательности, что сформировало представление о некой литературной несостоятельности Шершеневича. Современные ученые логически обосновывают эту черту в его творчестве и признают за Шершеневичем роль самобытного поэта. Таким образом, восприятие его творчества сегодня существенно отличается от восприятия его современников.

Ключевые слова: подражательность, чужое слово, символизм, футуризм, имажинизм.

В. Г. Шершеневич в русской поэзии ХХ века традиционно занимает нишу поэта второго плана – не столь оправданно, по мнению многих современных исследователей творчества этого поэта. Шершеневич был одним из зачинателей принципиально нового на тот момент (1919 г.) литературного направления наряду с С. А. Есениным и А. Б. Мариенгофом – имажинизма. И хотя Вадим Шершеневич стал, пожалуй, главным теоретиком этого течения и разработал основные художественные

принципы, он, как и многие дружившие с Сергеем Есениным, оказался в «тени» есенинской славы, а потому был незаслуженно забыт.

Стоит отметить, что подражательность в поэзии изначально была чертой творчества Шершеневича, но связано это было с ранним периодом его творческой деятельности, когда он увлекался символизмом. Подражательность этого периода легко объяснить. Во-первых, юный Вадим Шершеневич еще только начинал, только пробовал писать, поэтому старался равняться на любимых и хорошо знакомых поэтов – черта вполне ожидаемая. Вторая причина заключается в особом отношении с ранних лет Вадима Шершеневича к Валерию Брюсову. Сам Шершеневич об этом писал: «...Брюсов был первым “настоящим” поэтом, которого я увидел, и не странно ли, что именно его я полюбил больше всех и до сего дня думаю, что не было более поэтического поэта за всю его эпоху» [Шершеневич 1990: 426]. Именно на В. Я. Брюсова Шершеневич стремился быть похожим в своей поэтической манере того времени. Сам Брюсов, по свидетельству самого Шершеневича, говорил о прочитанных стихах молодого поэта: «...Прочел. Слабо. Неинтересно. Надо много работать! <...> *Надо иметь свое лицо, пусть даже скверное!* <...> Нельзя сегодня писать так, как я писал десять лет назад и как я пишу сейчас. У меня довольно учеников, а кто же будет учить меня?» [Курсив наш – Е. О.]» [Шершеневич 1990: 445].

Про сборник «Весенние проталинки» Н. С. Гумилёв писал: «Вадим Шершеневич всецело под впечатлением поэзии Бальмонта. Но, может быть, это и есть самый естественный путь для юного поэта. В его стихах нет ни вялости, ни безвкусыя, но нет и силы для новизны. Своей книгой он заявил только, что он существует, и можно принять этот факт без пренебрежительной гримасы. Но он должен еще доказать, что он есть, как поэт» [Гумилёв 1990: 140].

По утверждению В. Ю. Бобрецова, высказанному в его подробной и основательной статье о Шершеневиче, «...критик В. Львов-Рогачевский назвал стихи первых двух сборников Шершеневича “пародиями”, – в уничижительном значении этого слова, как бы “жалкими пародиями на...”» [Бобрецов 1996: 15]. В данном случае имеются в виду сборники Шершеневича «Весенние проталинки» (1911) и «Carmina» (1913) – ранние опыты, основанные как раз на символистской поэтике. Эти сборники являлись «пробой пера», и в данной ситуации критик предъявлял к автору довольно высокие требования. Отмечая этот факт, Т. А. Богумил пишет: «В. Л. Львов-Рогачевский доказывает факт плагиата поэтом творческих находок Блока, Апухтина, Северянина, Маяковского. Всех тех, как иронизирует Шершеневич, чьи имена он (Львов-Рогачевский. – Т.Б.) успел запомнить» [Богумил 2007: 34]. По ее мнению, «литературоведы в целом присоединились к мнению критиков, характеризуя стихотворения данного периода как традиционные и безличные, «эстетски-эпигонские», наполненные «гимназически наивным, подражательным символизмом самого невзыскательного толка» [Богумил 1990: 30].

В период увлечения В. Г. Шершеневича футуризмом ему приписывались многочисленные заимствования у В. В. Маяковского и И. Северянина. Богумил говорит об этом периоде у Шершеневича: «...Попытки поэта создать свой, оригинальный стиль предпринимались с оглядкой на современных ему “успешных” соперников. Образовавшаяся в 1913 году группа “Мезонин поэзии”, активным участником которой стал Шершеневич, ориентировалась на творчество Игоря Северянина, с одной стороны, и кубофутуристов, с другой. Если “поэзы” сборника «Романтическая пудра» (1913) перекликаются с эстетно-будуарной стилистикой мэтра эгофутуризма, то в следующей книге – “Экстравагантные флаконы” (1913) – намечается сближение с урбанистической лирикой В. Маяковского. Мир наполняется городскими приметами: фонари, автомобили, толпа, Кодак. Комнаты сменяются улицами, проспектами» [Богумил 2007: 31].

В период имажинизма Шершеневич все еще поддерживал связи с футуристами, но само направление выросло из полемики с футуризмом. По словам товарища Шершеневича и собрата по перу А. Б. Мариенгофа, «...имажинисты находились в непрерывной полемике с Маяковским...» [Мариенгоф 1990: 131], – т.е. с главным футуристом за все время существования этого направления. Многочисленные обвинения в плагиаторстве касались в том числе и заимствований Шершеневичем у Маяковского. Например, А. Б. Мариенгоф рассказывает в своих воспоминаниях следующий эпизод: «...“Я сошью себе черные штаны из бархата голоса моего”, – написал Маяковский. Понятия не имея об этой великолепной образной строчке, Вадим Шершеневич, обладающий еще более бархатным голосом, месяцем позже напечатал: “Я сошью себе полосатые штаны из бархата голоса моего”. Такое катастрофическое совпадение в литературе не редкость. Стоило только Маяковскому увидеть <...> нашего златоуста, как он <...> зычно объявлял: “А Шершеневич у меня штаны украл!”» [Мариенгоф 1990: 131]. Конечно же, Мариенгоф лукавит в приведенном отрывке: настолько точных совпадений быть не могло. И это, безусловно, не единственный случай «совпадения». Можно предположить, что

Шершеневича «подвела» литературоцентричность сознания: в ту эпоху литературной атмосферой было пронизано все вокруг – кафе, собрания, литературные салоны и т.д., – и Шершеневич мог просто «не отразить», что какие-то строчки не сам придумал, а где-то услышал. Но можно увидеть в этом и другой подтекст. Уже с самых первых набросков «озорство», литературная дерзость становятся важной составляющей поэтики Шершеневича. Сюда же можно отнести пародийность, эпатаж, подчеркнутое комическое начало, ироничность – на эти же черты указывает В. Ю. Бобрецов [Бобрецов 1996: 16]. Соответственно все эти многочисленные эпатажные «выходки» Шершеневича, связанные в том числе и с «кражей» чужих слов, вероятно, были абсолютно осознанным «сценическим» актом, совершенным «только “ради смеха”» [Бобрецов 1996: 17].

Обвинениям в подражательности подверглись также теоретические разработки В. Г. Шершеневича относительно имажинизма, изложенные главным образом в его книге «Зеленая улица» (1916). Об этом свидетельствует и В. А. Дроздков, известный исследователь творчества Шершеневича: «... поскольку годом ранее в сборнике “Стрелец” была напечатана статья Зинаиды Венгеровой об английских футуристах, называвших себя “имажистами” и призывавших сосредоточиться “на образах, составляющих первозданную стихию поэзии”, оригинальность выводов автора книги “Зеленая улица” о значении образа слова на протяжении многих лет подвергалась сомнению» [Дроздков 1998: 164].

На сегодняшний день исследователи творчества В. Г. Шершеневича иначе воспринимают очевидный аспект «чужого слова» в его поэзии. Например, в очень интересной диссертации Т. А. Богумил, посвященной как раз проблеме «чужого слова» у Шершеневича и изучению интертекстуальных вкраплений в его творчестве. Автор исследования приходит к выводу, что В. Г. Шершеневич представляет собой тип поэта-трикстера. Заимствование чужих текстов и их видоизменение происходит на бессознательном уровне, поэтому уподобление не становится приемом. По словам Т. А. Богумил, «репутация второстепенного подражателя, бесталанного эпигона и плагиатора прочно закрепилась за Шершеневичем в советском литературоведении, что получило отражение в соответствующих словарных статьях» [Богумил 2007: 29]. Автор говорит также, что негативные оценки были обусловлены «незрелостью интертекстуальных представлений в культуре начала XX века», и реконструирует «литературно-бытовую личность писателя-эпигона», которую подвергает «демифологизации» [Богумил 2007: 131]. Е. А. Иванова (Федорчук) полагает, что «В. Шершеневич внес значительный вклад в становление теории футуризма и имажинизма» [Иванова (Федорчук) 2005: 3] и рассматривает его поэзию в единстве с его теоретическими декларациями и разработками. Н. С. Бандурина рассматривает не только фигуру В. Шершеневича, но и все направление имажинизма в целом и говорит, что сам «термин имажинизм заимствован у авангардистской школы англоязычной поэзии – имажизма» [Бандурина 2012: 17] и что у направления наблюдается довольно много связей с европейской поэзией, но при этом отмечает особенную специфику развития именно русского имажинизма.

В целом можно отметить тенденцию к возвращению Вадима Шершеневича в русское литературоведение. Если ранее имя поэта упоминалось чаще всего в негативном ключе либо же в непосредственной связи с имажинизмом или с Сергеем Есениным, то сейчас, в последние годы появляется все больше новых работ, посвященных Вадиму Шершеневичу. Автор по-прежнему является малоизученным, а потому представляет интерес поскольку имеются довольно широкие возможности для различного прочтения его творчества.

Литература

- Бандурина Н. С.* Имажинизм в контексте европейских и отечественных авангардистских течений начала XX века / Н. С. Бандурина // Филологические науки: вопросы теории и практики. – 2012. – №1. – С. 16–22.
- Бобрецов В. Ю.* «Итак итог?..» (О творчестве Вадима Шершеневича) / В. Ю. Бобрецов // Листы имажиниста: Стихотворения. Поэмы. Теоретические работы. – Ярославль: Верхн.-Волж. кн. изд-во, 1996. С. 6–42.
- Богумил Т. А.* В. Г. Шершеневич: феномен авторской субъективности: дис.... канд. филол. наук.: 10.01.01 / Т. А. Богумил; Алтайский гос. ун-т. – Барнаул, 2007. 218 с.
- Гумилёв Н. С.* Письма о русской поэзии / Н. С. Гумилёв. – М.: Современник, 1990. 381 с.
- Дроздков В. А.* Статья В. Г. Шершеневича «Пунктир футуризма» и предыстория возникновения имажинизма / В. А. Дроздков // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома. – Вып. 17 (1998). С. 163–174.

Иванова (Федорчук) Е. А. Творчество В. Г. Шершеневича: теоретические декларации и поэтическая практика: автореф. канд. филол. наук: 10.01.01 / Е. А. Иванова (Федорчук); Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2005. 24 с.

Мариенгоф А. Б. Мой век, мои друзья и подруги / А. Б. Мариенгоф // Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. – М. : Моск. рабочий, 1990. С. 21–299.

Шершеневич В. Г. Великолепный очевидец. Поэтические воспоминания 1910–1925 гг. / В. Г. Шершеневич // Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. – М. : Моск. рабочий, 1990. С. 417–646.

Osushkina E. O. Vadim Shershnevich in the eyes of his contemporaries and modern understanding of poets's works

The article presents a comparative analysis of various approaches of researchers to the creation of Vadim Shershnevich. During his creative activity, many contemporaries did not perceive V. Shershnevich as a «serious» poet due to accusations of imitation. Due to this, there was an idea of a certain literary insolvency of Shershnevich. Our modern scientists logically substantiate this feature in his creation and recognize Shershnevich as a distinctive poet. Thus, the perception of his work today is significantly different from the perception of his contemporaries.

Keywords: imitation, alien word, symbolism, futurism, imaginism.

Н. С. Артёменко

(научн. руководитель О. А. Бердникова)

Воронежский государственный университет,

Воронеж, Россия

Жанры послания и посвящения в творчестве поэтов русского зарубежья (С. С. Бехтеев и И. И. Савин)

Аннотация: целью статьи является изучение структурно-субъектных особенностей жанров послания и посвящения в творчестве малоизвестных поэтов первой «волны» русской эмиграции С. С. Бехтеева и И. И. Савина. В рамках субъектной классификации адресованных жанров дается характеристика разным типам отношений адресата и адресанта в поэзии С. С. Бехтеева и И. И. Савина (по классификации Е. И. Дмитриева), выявляется зависимость данной модели от конкретного жанра. Формы послания и посвящения сравниваются на графическом, идейном и образном уровнях.

Ключевые слова: С. Бехтеев, И. Савин, послание, посвящение, адресат, адресант.

Поэзия русского зарубежья представляет собой особый культурный феномен, активно изучаемый в последнее десятилетие. Поэзия И. А. Бунина, Г. В. Иванова, В. Ф. Ходасевича привлекает внимание исследователей сочетанием традиционных и модернистских форм воплощения авторского сознания.

Особенно интересна поэзия малоизвестных поэтов русского зарубежья – С. С. Бехтеева и И. И. Савина. Общность судеб, близость идейно-тематического содержания произведений, жанровое своеобразие позволяют сопоставить их творческие миры, выявить объединяющие и уникальные начала. Так, в творчестве обоих поэтов, присутствуют традиционные для русской литературы жанры послания и посвящения, которые и являются объектом исследования данной статьи.

Общим началом для этих форм становится фактор адресации. «В классической поэзии адресация играла, в первую очередь, жанрообразующую роль. В модернистских поэтических течениях ученые отмечают разнообразие диалогически ориентированных жанровых форм, но основными жанровыми модификациями оставались посвящение и послание.» [Бердникова 2019: 217].

Вопрос о разграничении жанров послания и посвящения довольно сложен, так как две эти формы имеют много общих черт: обращение к адресату, указания на мотивы написания письма. Словарь поэтических жанров дает такие определения этих понятий:

послание – литературный жанр: стихотворное письмо. Формальный признак послания – наличие обращения к конкретному адресату и соответственно такие мотивы, как просьбы, пожелания и другие. [Гаспаров 1978: 301];

посвящение – поэтический жанр, лирическое стихотворение, предваряющее большое произведение. В посвящении поэт открыто мотивирует подношение этого произведения определенному лицу или, наоборот, выражает свои чувства неназванному адресату [Квятковский 1966: 219].